

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВАЛЕРИЯ ВЕДЕНЕЕВА,
РИАННА АВАЛОНСКАЯ

ДАР ДЕМОНА

РОМАН

Москва, 2021
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
В26

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1266

Художник
Л. Клепакова

Веденева В., Авалонская Р.

В26 Дар демона: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2021. — 345 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-3237-0

Семья Арона Тонгила погибла по вине некроманта. Арон отомстил... а затем заключил сделку с демоном, пообещавшим вернуть его родных. Вот только демон не предупредил, что отправит Арона в иную реальность, где человек окажется магом, главой Ковена Темных, тем, кого ненавидит вся империя. Чтобы найти свою семью, ему придется сначала выжить.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Валерия Веденева, Рианна Авалонская, 2021
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2021

ISBN 978-5-9922-3237-0

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Темные маги всегда умирают долго, а этот был самым сильным в Ковене. Он все кричал и корчился на полу своей спальни, пришипленный копьем к паркету. Наконечник, выкованный из селина, прошел сквозь все слои магической защиты и пробил сердце.

Арон не вслушивался в вопли некроманта: в криках существа, которому вырвали язык, не могло быть смысла.

А маг все никак не мог замолчать. Он хрипел, тянул к своему убийце обрубки, еще утром бывшие руками, и в налитых кровью глазах пылала ненависть. В Ароне ненависти жило не меньше, но насладиться муками врага не получилось — смотреть на некроманта было противно, хотелось скорее все закончить.

Жаль, в спальне чародея не нашлось ничего напоминавшего топор. У самого воина остались лишь два кинжала за голенями сапог и селиновое копье, вынимать которое из груди мага было пока нельзя. Меч, которым Арон отрубил некроманту руки, почти сразу растекся лужей расплавленного металла. Отрезать голову врага кинжалом и пачкаться в его крови не хотелось, а другого способа быстро умертвить некроманта Арон не знал.

— Маги, — пробормотал воин, — даже подохнуть, как нормальные люди, не можете...

Некромант тем временем дергался все слабее, крики перешли в хрипы, а из ран начала, пока слабо, сочиться кровь.

Пожелай маг умереть без мучений, отпустил бы Нити стихий и ушел почти мгновенно. Но некромант все оттягивал встречу с Серой Госпожой. Быть может, надеялся на спасение, на чудо.

Вот только Арон знал: чудес в этом мире быть не могло. Он понял это несколько лет назад, когда по возвращении увидел вместо дома серое пепелище, а в запертом снаружи погребе — единственном, что уцелело, — тело задохнувшегося в дыму сына. Несколько месяцев бесплодных поисков, и воин нашел то, что осталось от его жены после забав некроманта — безумное костлявое существо с копной седых волос. Когда в монастыре Светлой Лиины, богини целительства, к его Тери вернулась память, она покончила с собой...

Некромант все быстрее терял кровь, та растекалась, красная, совсем как у человека, хотя ей следовало быть такой же черной, как душа мага.

Арон ждал.

Наконец некромант затих, выпученные глаза остекленели. Арон подошел ближе, достал флягу с горючей смесью. Пока у мага сохранялись силы, жечь его было нельзя — помимо некромантии тот в совершенстве владел огненной стихией.

Всего несколько капель, и одежда на мертвце вспыхнула. Потом пламя принялось за плоть...

Темные маги умирают долго, и убивать их следует правильно. Только когда огонь закончил пожирать тело некроманта, Арон выдернул из кучи пепла копье.

В замке было пусто и тихо — его ныне покойный хозяин не жаловал людей, хотя несколько слуг все же жили здесь. Впрочем, о них Арон позаботился заранее, отравив еду и напитки. Это был хороший, качественный яд, однако, расправившись с магом, воин обошел все покои и перерезал горло тем, кто еще не умер. Жизнь научила его не оставлять врагам шанса.

Проверив замок, Арон подошел к лестнице, ведущей в подземелье. Обычно именно там некроманты, нуждавшиеся в человеческих жертвах, держали пленников, и кого-то из несчастных еще можно было спасти.

Весь длинный лестничный пролет освещался факелами. Впрочем, для Арона это не имело значения — в темноте он видел немногим хуже, чем при свете. Вот только камер с пленниками внизу не оказалось, ступени привели воина к массивным двойным дверям.

Когда Арон толкнул створки, перед ним открылся просторный зал с высокими сводами и черными колоннами, освещен-

ный магическими светильниками. Воин вошел осторожно, держа оружие наготове, прислушиваясь не только к внешним звукам, пока отсутствующим, но и к внутреннему голосу, который всегда предупреждал его о приближающейся опасности.

В многочисленных нишах лежали человеческие черепа, за колоннами виднелся черный алтарь — некромант превратил подземелье в святилище Серой Госпожи, и воздух тут пропах смертью. Но было здесь что-то еще, что-то странное...

Арон прошел дальше и, когда алтарь перестал заслонять ему дальнюю часть зала, увидел пентаграмму. Перехватив копье поудобнее, воин приблизился к магическому рисунку, в центре которого сидел...

— Демон...

Демон посмотрел на него светящимися в полумраке зелеными глазами, поднялся с пола и осторожно сделал шаг назад. Он явно знал, чем грозит ему столкновение с оружием из селина. Этот священный металл, серебро богов, как его называли, был хорош для убийства не только некромантов, но и тварей Хаоса.

— Верно. — Демон выговаривал слова чисто, почти как человек. — Видишь, оказался в плену у мага.

— Я его убил, — равнодушно сказал Арон. Победа не принесла воину ни гордости, ни радости — все чувства в нем давно перегорели. Все, кроме жажды мести, которая вела его последние годы. Впрочем, слабые отблески эмоций еще проскальзывали, и сейчас он ощутил нечто похожее на любопытство.

Тварь перед ним принадлежала к высшим демонам: почти человеческое лицо с тонкими чертами и ненатурально гладкой кожей, глаза с огромными радужными оболочками ярко-зеленого цвета и голый череп с костяным гребнем от лба до затылка. В отличие от низших звероподобных демонов этот даже носил одежду, широкую хламиду почти до пола.

— Что хотел от тебя маг? — спросил воин.

— Он не сказал. — Демон развел руками. Их у него было две, пятипалые, и только ногти на пальцах — черные и острые — отличались от человеческих.

Вспышка любопытства погасла, и Арон начал прикидывать, как прикончить тварь. Его смущала пентаграмма — над светящимися в полумраке линиями воздух вибрировал, создавая почти невидимую стену, которая могла смазать удар.

— Почему ты убил чародея? — Приблизившись к краю пентаграммы, демон заглянул человеку в лицо. Возможно, надеялся потянуть время.

— Он был некромантом, — все же ответил воин.

Демон покачал головой.

— В мире много некромантов. Почему ты убил этого?

Разговаривать не имело смысла, тварь лишь пыталась нащупать его слабости, но Арон ощутил, что ему *хочется* ответить, *хочется* объяснить, почему наверху остывают тела дюжины мерзавцев, почему от Темного мага остался лишь пепел.

— Он уничтожил мою семью и друзей. Я отомстил.

— И теперь тебе незачем жить, — закончил за него демон.

Арон промолчал. Тварь была права — внутри воин ощущал лишь пустоту. Впрочем, дело следовало довести до конца: демон, даже запертый в пентаграмме, слишком опасен, чтобы жить.

— Я могу вернуть твоих близких, — предложил демон.

Арон вздрогнул.

— Это невозможно. Воскрешать мертвецов не в вашей власти.

— Верно, — согласился тот, — но я могу сделать так, чтобы они не умерли.

Воин уставился на тварь, пытаясь понять, что подразумевается под этими словами и есть ли в них хоть что-то, кроме очевидной ловушки. Однако внутренний голос, никогда прежде не ошибавшийся, молчал.

— Что ты предлагаешь? — почти против воли спросил Арон. Если демон действительно мог исполнить обещание...

— Их жизнь в обмен на мою свободу и твое копьё из селина.

Демоны лгали как дышали, но существовала клятва, которую даже они не смели нарушить: богиня Смерти, в чьем святилище они находились, сурово карала всех, впустую трепавших ее имя.

— Поклянись именем Серой Госпожи, — велел Арон. — Поклянись, что я окажусь с теми, кого люблю, и мы будем живы и здоровы душой и телом.

— Клянусь! — Демон склонил голову.

Арон не представлял, как выпустить пленника из пентаграммы. Впрочем, тварь могла знать сама.

— Какая помощь от меня требуется? — спросил воин.

Демон вздохнул.

— Убив некроманта, ты унаследовал власть над его магией. Просто веди стенам моей темницы исчезнуть.

Воин нахмурился — Светлые маги, давшие ему оружие, не упоминали о таком.

Он перевел взгляд на рисунок пентаграммы, представляя, как светящиеся линии исчезают. Пару мгновений ничего не происходило, затем магический рисунок погас.

— Вторая часть платы! — Демон шагнул к нему и требовательно протянул руку. Отдавать оружие было жаль, но Арон заставил себя разжать ладонь. Опасности он все еще не ощущал.

Демон улыбнулся и протянул руку, коснувшись лба Арона. Неприятно кольнули кожу длинные когти.

Потом...

Потом мир вокруг начал таять, и последнее, что Арон видел, были горящие жгучей зеленью глаза твари.

ГЛАВА 2

Арону снился подземный храм, один из тех, что служители Смерти посвящают своей Госпоже. На стенах горели магические лампы, в центре неправильным овалом возвышался каменный алтарь — место человеческих жертвоприношений. Недалеко от алтаря в пентаграмме сидело темнокожее существо с зелеными глазами и костяным гребнем от лба до затылка.

Демон повернул к Арону голову и улыбнулся, испортив совершенство точеных черт клыкастым оскалом.

— Клятва выполнена, человек.

Арон отшатнулся от него и проснулся.

Над головой колыхалась прозрачная ткань балдахина. Светало, в открытое окно виднелось небо, чуть окрашенное розовым. Славя утро, залилась радостной трелью одинокая птаха, чуть погодя к ней присоединились другие. Лежать, ничего не делая, ни о чем не думая, было приятно. Перина уютно проминалась, а рядом ощущалось тепло человеческого тела.

Арон повернул голову — рассмотреть, что за девицу подцепил этой ночью, и вспомнить, на какие деньги позволил себе самый дорогой, судя по ощущениям, номер в гостинице... ког-

да встретил испуганный взгляд соседа по кровати. Именно соседа — рядом лежал полуголый юноша.

Возможно, в нормальной обстановке Арон обратил бы внимание на эльфийское происхождение юнца. Но сейчас его хватило только на одно слово:

— Вон!

Юноша вздрогнул, но тут же соскочил на пол, одним движением подхватил одежду и, как был, вылетел за дверь.

Несколько мгновений воин смотрел ему вслед, потом на всякий случай ущипнул себя за руку. Наверное, это продолжение сна с когтистым демоном. Клятва, подземный храм, непонятно кто в его постели... Что дальше?

Арон потряс головой, пытаясь соотнести видимое с реальностью, но мысли неслись, подкидывая то воспоминания далекого детства, то вообще нечто, похожее на мельтешение оживших радуг, на бал огненных шаров, на дуэль молний...

Арон потер виски, вспомнил о лечебном эффекте оплеухи или, на крайний случай, подзатыльника, но экспериментировать не стал. Если он свихнулся, это не поможет.

Сбросив одеяло, воин оглядел себя, надеясь хоть видом одежды воскресить воспоминания. Одежда — тонкие полотняные штаны и рубашка с коротким рукавом, украшенная изящно вышитыми оберегающими рунами, — вызвала лишь удивление. Таких вещей у Арона никогда не было. Хотя бы из-за наличия в вышивке искусно вплетенных нитей тария — дорогое удовольствие, по карману не каждому благородному.

Оставив попытки заставить память работать, Арон огляделся. Постоялый двор? Сомнительно. Даже в самых дорогих гостиницах не бывает настолько роскошных спален. Мебель из красного дерева — допустим, но инкрустация золотом? Или ханский ковер во весь пол? Годы, которые Арон прослужил в Золотой Гильдии, научили его оценивать любой товар не хуже бывалого купца. На такой ковер едва хватило бы его жалованья сотника за целый год.

Арон спустил на пол босые ноги, и те утонули в густом длинном ворсе. Вот бы Тери сюда, она бы эту роскошь оценила по достоинству.

Тери...

Имя словно прорвало плотину, и воспоминания хлынули, заслонив реальность: их первая встреча, тайные свидания, по-

бег, свадьба в далеком храме... Счастливое лицо любимой, ее слова, что скоро появится ребенок. Дом, пусть небольшой, но наполненный теплом, любовью, детским смехом.

И следом — возвращение из недолгой поездки: обгорелый остов дома, задохнувшийся в дыму Рикард, маленькая могила у опушки леса и, полгода спустя, вторая — для Тери...

Арон сжал кулаки, невидяще глядя перед собой. А память продолжала разворачивать перед ним историю последних четырех лет жизни, когда все было подчинено единственной цели: найти и убить врага, лишившего его семьи. Нашел. Убил. А потом встретил демона, пообещавшего чудо...

Воин вскочил на ноги. Внутри что-то судорожно сжималось, эмоции требовали выхода, оставаться на одном месте казалось нестерпимым. Полтора десятка шагов вдоль комнаты и столько же назад. Демон в его сне сказал, что клятва выполнена. Очевидно, пробуждение в этом странном месте — часть уговора. И здесь должны быть живы Тери, Рикард и двое лучших друзей Арона. Найти их вопрос времени. И он найдет, обязательно.

Но прежде следует понять, куда его занесло.

Арон остановился, встряхнулся, подошел к окну. Далеко внизу неправильным овалом выделялся двор, большая часть которого нарядно зеленела травой. От главной башни к пристройкам и обратно сновали люди.

Воин задался мимолетными вопросами: отчего двор не выложен брусчаткой и как многочисленные ноги еще не вытоптали всю траву? Потом перевел взгляд дальше и выше. Зубцы крепостной стены, вооруженная стража и лес до самого горизонта.

Куда забросил его демон? В пограничный форт? В замок богатого нобиля? И раз уж Арон проснулся в чужом доме и чужой постели, остался ли он еще собой? От демона можно ожидать чего угодно.

Воин отошел от окна, оглядываясь в поисках зеркала. В этих покоях его не оказалось, но дальше, за высоким шкафом из красного кедра, виднелась арка. За аркой обнаружилась комната, такая же просторная и роскошно обставленная, как и первая. Подходящее место для кабинета богатого нобиля, проводящего здесь вечера за изучением докладов управляющих и шпионов. Только одна деталь выбивалась из общей

картины — шкаф, забитый старинными, судя по состоянию переплетов, книгами.

Арон прошел вглубь комнаты. Вот и зеркало — большое, от самого пола и почти до потолка, в ажурной раме из серебра, потемневшего от времени. Такое же старинное, как и книги.

Воин приблизился, вглядываясь в отражение. Он остался собой: высокий, широкоплечий и темноволосый, с глазами такими же серыми, как ледяные моря его северной родины. И черты лица были те же: прямой нос, жестковатый рисунок губ, сильный подбородок, на котором уже пробивалась утренняя щетина. На первый взгляд все казалось правильным, вот только большую часть жизни Арон провел под солнцем. За много лет оно прожарило его насквозь, продубив кожу, покрыв ее загаром и неровными прядями высветлив волосы. Здесь же его отражение было таким бледным, словно он не видел солнца с рождения.

Оставив зеркало, Арон подошел к окну. В этих покоях оно выходило на запад. Вместо двора внизу раскинулся фруктовый сад с прудом в центре. За крепостной стеной красовался лес. Опять до самого горизонта.

— Господин! — Из первой комнаты донесся испуганный юношеский голос. И тут же его владелец торопясь затараторил: — Вы приказывали немедленно сообщить о прибытии каравана из Кирет-града. Его как раз выпустили в замок.

Северянин повернулся к арке. Вот он, момент истины! Сейчас выяснится, как отнесутся местные обитатели к его присутствию в этих роскошных покоях.

У входной двери стоял светловолосый парень, вряд ли старше шестнадцати лет. Паж? При виде Арона он торопливо поклонился. Удивления на лице юноши не возникло, только страх проявился ярче.

— Караван, — повторил воин.

— Да, господин. Людей размещают, как вы и велели, в восточном крыле. Прикажете что-то передать управляющему?

— Нет. — Караван подождет, Арона интересовали дела поважнее. Первое и самое главное — мальчишка удивленным не выглядел, более того, обращался к нему «господин». Признал один человек, признают и остальные. Второе — реакция пажа на его присутствие. Подобный откровенный страх в глазах слуги обычно не говорит ничего хорошего о хозяине.

Мощные крепостные укрепления, затерянность в лесной глуши, да еще этот страх... Чем скорее Арон поймет, что за шутку сыграл с ним демон, тем больше шансов обернуть ситуацию себе на пользу.

Воин не собирался признавать, что происходящее ему неясно, признать означало стать уязвимым. Нет, в первую очередь Арону требовались ответы на скопившиеся вопросы, а паж мог их дать.

— Сообщи, что сегодня я желаю завтракать у себя, — велел северянин и добавил: — Вернешься и будешь прислуживать за столом.

При последних словах паренек, уже подавшийся к двери, сильно побледнел.

ГЛАВА 3

Арон стоял у окна, пытаясь на основании увиденного мысленно составить план крепости, когда после робкого стука явилась сперва горничная — прибрать постель, а затем паж и слуги с подносами. Последние, бесшумно расставив блюда, так же бесшумно исчезли, остался только паж, выглядевший потерянным и несчастным.

Оценить, совпадали ли предпочтения в еде местного господина с его собственными, Арон не смог. Принесенные блюда казались такими же аппетитными, как песок, только меньше хрустели на зубах. Хотя обещание демона заставило Арона вынырнуть из пустоты равнодушия, вкус пищи ускользал.

Мужчина скосил взгляд на пажа: сейчас, спустя десять минут после начала завтрака, тот немного освоился. Поднося ему блюда, паж уже не выглядел так, словно любое резкое движение или звук могли вызвать у него разрыв сердца. На бледное лицо подростка даже вернулось подобие румянца.

— Тебе не доводилось раньше мне прислуживать? — Арон решил начать допрос с самой безопасной темы. Будь у мальчика соответствующий опыт, он бы не двигался столь неуклюже.

Вопрос казался безобидным лишь до того, как воин его задал. Паж побелел и посмотрел с таким испугом, что Арон с трудом удержал рвущееся с губ проклятие.

— Н-нет, господин, не доводилось, — с трудом выговорил паж.

Арон вздохнул и отодвинул тарелку с остатками тушеного в мудреном соусе цыпленка.

— Возьми табурет и садись, — велел он, кивнув в сторону изящного трехногого сооружения, такого же дорогого, как и все в этих покоях. Судорожно вздохнув, подросток выполнил приказ.

— Как твое полное имя?

— Риен ар-Корм, господин. — Судя по почти не дрожавшему голосу, подросток пытался взять себя в руки.

— Откуда ты?

— У моей семьи имение в северной части Киретской провинции, господин.

— Ты младший сын? — Ни один здравомыслящий родитель не отправит наследника в такую даль к чужому человеку.

— Я — единственный сын, господин, — опроверг его догадки паж. — Но у меня есть сестры.

— Как ты здесь у меня оказался? — Арону и впрямь стало любопытно.

Риен глубоко вдохнул, словно собираясь нырять.

— На приеме у императора моя старшая сестра повела себя... нелюбезно. — Еще один вдох, пальцы, впившиеся в края табурета, побелели. — Вы, господин, отказались принять обычные извинения, но обещали передумать, если наследник нашей семьи достойно проявит себя в услужении. И... вот.

— Ар-Корм... — задумчиво повторил воин. Прежде он встречал некоего ар-Корма, птицу высокого полета, не чета безземельному сотнику. У ар-Кормов была длинная родословная, восходящая к Первому Императору, и богатые владения. Интересно, это те же самые?

— Как тебе у меня служится?

Ответом был перепуганный взгляд.

— Страшно? — решил подсказать Арон.

— Да, господин, — прошептал паж.

— Что больше всего тебя пугает, Риен?

— П-подземелья, господин.

— Ты туда спускался?

— Д-да, господин. Тар Митрил показывал, как заканчивают те, кто вызовет ваше недовольство.

— Что еще, Риен? Что еще внушает тебе страх?

— Ваша личная стража, господин. — У подростка был такой вид, словно он тонет в трясине без надежды на спасение.

— Что с ней не так?

— Они — оборотни. — Тон Риена подразумевал: последнего слова достаточно.

Действительно, его было достаточно.

За всю жизнь воин слышал только о трех — язык не поворачивался назвать этих существ людьми, — трех чудовищах в человеческом обличье, державших оборотней у себя на службе. Двое были некромантами. Третий — верховным жрецом Серой Госпожи, богини Смерти.

Как Арон умудрился попасть в столь теплую компанию?

Риен сидел, пытаясь не выказывать страха и понимая, что получается плохо. Он сказал господину неправду — не подземелья и не оборотни в страже пугали его больше всего, а сам Арон Тонгил, четыре года как негласный хозяин севера империи.

Господин тем временем словно забыл о паже, задумался о чем-то. И это что-то оказалось неприятным, углубившим складку между темными бровями, заставившим опуститься уголки губ. Затем он поднялся с места, подошел к окну.

— Как я поступаю, когда мне скучно, Риен? — Голос Тонгила звучал отстраненно. Так спрашивают, зная ответ.

— Спускаетесь в подземелья, господин, — прошептал паж и крепко зажмурился, уже догадываясь, каким будет продолжение.

— Тогда проводи меня туда, Риен, — подтвердил его подзрения Тонгил. — По дороге развлеки интересным разговором. — И по изменившемуся голосу господина Риен понял, что тот улыбнулся.

Все случившееся потом прошло перед юношей словно в тумане. И как они вышли из покоев, дверь которых Риен, по этикету поклонившись, держал открытой для господина, и как перед началом спуска он судорожно искал в пустой стражницкой факел и бессвязно бормотал извинения за то, что не умеет, как господин, видеть в темноте.

— Что ты знал обо мне до того, как оказался здесь? — Голос за спиной прозвучал неожиданно, разбив гулкую тишину лест-

ничных пролетов. Риен споткнулся и не упал только благодаря руке Тонгила, ухватившей его за предплечье.

— Итак, Риен? — Господин говорил мягко, но что-то появилось в его голосе, что-то, вызывавшее желание повиноваться, выполнить любой приказ.

— Как и все, господин, — неуверенно проговорил Риен. Но Тонгил явно ждал продолжения, и паж добавил: — Я знал, что вы распоряжаетесь севером и частью востока империи, половина их налогов идет вам. Императору известно об этом, но он молчит. Отец рассказывал: его величество даже предлагал вам титул герцога, но вы отказались, не объясняя причины.

Юноша замолчал, пытаясь понять, стоит ли говорить дальше.

— Продолжай, — велел господин.

Риен глубоко вдохнул.

— Вас все боятся: вассалы, союзники, даже император. Никто не хочет оказаться вашим врагом.

— Как мило с их стороны. — Голос Тонгила прозвучал слегка ядовито. — Значит, врагов у меня нет?

Паж сглотнул.

— Есть, господин.

— Например?

— Князь Лазурной долины. Он поклялся вас уничтожить.

— Да? Почему?

Риен рискнул обернуться — проверить, не смеется ли господин. Но тот смотрел с вежливым интересом, даже вопросительно приподнял брови.

— Вы приказали похитить его младшего сына и... — Юноша замолчал, чувствуя, что лицо начинает пылать.

— Да?

— И сделали своим наложником.

Воцарилось молчание. Господин вновь погрузился в мысли и на продолжении странного разговора не настаивал.

Лестничные пролеты закончились, выведя их в подземелье. Факел осветил отполированные магией черные стены, на которых змеились прожилки сиреневого, сияющего изнутри камня, и блестели позолотой руны.

Паж остановился, ожидая приказа. Из первого зала вело несколько ходов, причем два — на нижние уровни, куда юноша еще не спускался.

— Ты знаешь, где находятся заключенные, недавно попавшие в замок? — спросил Тонгил отсутствующим тоном.

— Да, господин. — Это, наверное, было единственное, что Риен мог найти в подземелье.

— Тогда веди.

Тонгил замолчал, утратив интерес к разговору. И молчал до тех пор, пока они не дошли до первых камер. Несколько мгновений господин осматривался, словно выбирая, хотя, на взгляд Риена, все двери выглядели одинаково; потом уверенно двинулся вперед, но не к одной из них, а дальше, в темноту, куда свет факела едва доставал.

— Ты прячешься от меня, стражник? — В голосе Тонгила прозвучала насмешка. — Или от других страшных чудовищ, обитающих в темноте?

Риен завертел головой, но вокруг, казалось, было пусто, пока в дальнем боковом переходе не шевельнулась тень и не раздался простуженный голос:

— Не хотел мешать вам, господин.

— Какая предусмотрительность. — Из голоса Тонгила вновь пропали эмоции. — Открой эту камеру, — велел господин и тут же добавил раздраженно: — Ту, рядом с которой я стою, глупец, а не соседнюю.

Бормоча извинения, стражник приблизился, а паж подумал, что того, наверное, отправили сюда за какую-то провинность. Ведь просто так в подземелье мог оказаться только такой неудачник, как сам Риен.

С замком стражник возился недолго, и дверь открылась легко и тихо, без ржавого скрипа, который уже настроился услышать паж.

— Когда его посадили? — Тонгил кивком велел Риену войти первым. Уже заходя, паж заметил, как такой же жест был адресован и стражнику.

— Пятого дня, господин. Как вы велели, сразу сюда, в допросную не водили, и без того все было понятно. — Стражник попался словоохотливый, и даже факт, что собеседником оказался сам Тонгил, смутил его только поначалу. — Уже третий убийца за это лето. Да он своих планов и не скрывал. — В сторону заключенного последовал пренебрежительный кивок.

Господин забрал у Риена факел и поднес ближе к сидевшему у стены узнику. Тот заморгал, прикрыл глаза рукой и тут же вскочил. Сильное тело напрыглось, и если бы не короткая цепь с ошейником, узник кинулся бы на вошедшего.

Заключенный казался чистокровным человеком: высокий и широкоплечий, с короткой густой бородой. На клановца — именно их считали лучшими наемными убийцами — он походил мало, те до старости сохраняли юношескую стройность, оставаясь юркими, словно змеи. И еще не было в узнике присущей им равнодушной смертоносности. Заклученный выглядел как обычный воин: сильный, опасный в битве, но не обученный наносить удары исподтишка.

— Венд ар-Син, — проговорил господин странным тоном. — За что же ты решил убить меня?

В глазах узника сверкнула бессильная ярость.

— Раз вспомнил имя, вспомни и причину!

ГЛАВА 4

Арон, не в силах оторваться, смотрел на своего лучшего друга, который был роднее, чем брат... и уже четыре года как мертвого.

Человек в железном ошейнике выглядел старше, чем тот Венд, которого воин когда-то похоронил, на лице прибавилось шрамов. Кроме того, его Венд никого не умел ненавидеть так, чтобы это чувство выжгло все остальные, оставив только горькую пустоту. Этот, постаревший, умел.

Нужно было принять решение. Но какое? Арон мог освободить Венда, сорвать этот позорный ошейник... А потом? Человек, так похожий и одновременно не похожий на его друга, вряд ли станет растроганно благодарить, скорее повторит попытку, из-за которой оказался в подземелье. Глаза этого Венда говорили: не найдется оружия — он зубами перегрызет врагу глотку.

Приказать отвести его наверх, в господские покои? Уже там рассказать историю их дружбы, их другой жизни, рассказать о своей встрече с демоном? И ожидать, что человек, ненавидящий его, поверит в подобную сказку? Арон на месте Венда точно не поверил бы.

Пока оставить все как есть? Изобразить безразличие и уйти? Пусть так, но прежде узнать, чем он вызвал такую ненависть.

Судя по присутствию Венда, демон сдержал слово: близкие Арона были здесь живы. Но любой человек знает — у подарков демона есть обратная сторона. Арон в новой жизни оказался другим, могущественным и страшным человеком. Возможно, и те, кого он прежде знал и любил, изменились.

С того момента, как в его покои вошли слуги, неся завтрак, а следом явился перепуганный паж, бывшему сотнику пришлось играть чужую роль, черпая вдохновение лишь из реакции зрителя да собственного здравого смысла. Арон желал спросить о многом, но опасался вызвать у мальчишки чрезмерные подозрения. Впрочем, в качестве первого собеседника Риен подходил великолепно: пока плохо умеющий притворяться, открытый и искренний. Арон задал бы пажу еще немало вопросов, но стоило тому упомянуть подземелья, как в дело властно вмешалась интуиция.

Внутренний голос не раз помогал воину, спасал от шальной стрелы и ножа в спину, в бытность сотником даже предупреждал о неожиданных проверках начальства. Тогда гвардейцы всерьез называли своего командира Счастливым.

Когда появились Тери и Рик, внутренний голос научился хранить не только самого Арона, но и дорогих ему людей. Исходящую от некроманта опасность воин тоже почуял заранее, только вот не успел вовремя вернуться...

И здесь, едва Риен произнес слово «подземелья», Арон понял: он должен спуститься туда. Это важно, важнее даже, чем добыть информацию о самом себе. Камера, где находился Венд, словно сама подозвала его. Но воин до последнего момента не представлял, *кто* окажется внутри.

— Или великий маг забыл о давнем эксперименте? — В голосе Венда ненависть смешивалась с отвращением. — Забыл, как решил подарить тварям Хаоса жителей нескольких деревень и посмотреть, что получится? Ты сам тварь, Тонгил, более мерзкая, чем твои проклятые слуги! Пусть это буду не я, но придет другой мститель, и подыхать ты будешь долго!

Арон смотрел на своего лучшего друга — *бывшего* лучшего друга — и не мог вымолвить ни слова.

Он маг!

Маг, и, по всей видимости, Темный!

Дар демона сделал его одним из тех существ, которых он ненавидел. Вот почему здешний Тонгил самовольно правит частью империи, вот почему местная знать боится его настолько, что откупается родными детьми.

— Маги всегда умирают долго, — словно во сне прошептал он старую истину. — Очень долго, и убивать их нужно правильно...

Риен, стоявший в паре шагов, издал невнятный жалобный звук, и даже в глазах Венда мелькнуло удивление.

— Правду говорят: ты безумец, — выдохнул его не-друг.

Арон вздрогнул и будто очнулся. Нет, не он был безумен, а весь этот мир, куда забросил его демон.

— В одной из тех деревень жили твои родители? — Собственный голос прозвучал глухо.

— Да! — Венд дернулся, словно от приступа боли. — Будь ты проклят за это, Тонгил! Будь ты проклят за то, что стал таким чудовищем!

— Стал? — Это слово царапнуло слух Арона. — Разве я не был им всегда?

— Всегда? — Венд усмехнулся. — Да. Но прежде ты умело притворялся человеком.

Арон кивнул, словно соглашаясь, но в душе бушевала буря, и он едва сознавал, что делает. Вселенная сорвалась с места и пустилась в пляс, издевательски хохоча, а ему нужно было притворяться, будто все в порядке, все так, как должно. И не выдать себя ни жестом, ни взглядом.

— Надеюсь, тебе удобно здесь? — Рот Арона болезненно искривился. Впрочем, при плохом освещении это могло сойти за усмешку.

— Вполне. — Узник смотрел на него как на бешеное животное. — Добавь свою голову на блюде — и я буду просто счастлив.

Как и его погибший друг, этот Венд умел отвечать на язвительные подначки, но с ним не будет шуточных оскорблений, с ним все будет всерьез.

— У тебя появился вкус, Венд. Неплохо для сына крестьянина. На днях я еще загляну, побеседуем, вспомним молодость...

Узник на это зло оскалился.

Едва выйдя из камеры, Арон, не в силах сдержать гнев, отшвырнул факел прочь. Тот покатился по полу и, сердито плюнув искрами, погас. Стражник за спиной Арона, привыкший делать все в полной темноте, запер дверь.

— Подбери этот бесов факел! — рявкнул Арон мальчишке, но тот лишь беспомощно завертел головой, а потом шагнул не в ту сторону. Через мгновение бывший сотник вспомнил: мало кто из людей обладал врожденным, как у него, умением видеть в темноте.

Нагибаться самому не хотелось. Арон зло мазнул взглядом по факелу, пронеслась раздраженная мысль «да гори ты!» — и в голове словно что-то щелкнуло, соединилось и встало на место.

Факел вспыхнул.

— Будут приказы насчет пленника, господин? — Голос стражника вырвал Арона из сумятицы мыслей.

— Да, — выдавил он. — Да, кормите его хорошо.

— Как на убой? — осмелился пошутить стражник.

Арон вздрогнул, но тут же плотнее надел почти сползшую маску чужой роли.

— Почему же — как? — и криво усмехнулся.

Всю обратную дорогу господин молчал, и молчание это казалось недобрым. Риен, у которого отлегло от сердца, когда в подземелье Тонгил ограничился лишь посещением нового пленника, вновь напрягся и теперь гадал: доживет ли до следующего утра? От волнения путались мысли, и когда маг на последнем лестничном переходе спросил о чем-то, юноша просто не услышал.

— ...Риен! — Паж сжался от страха, когда господин легонько похлопал его по щеке. — Риен, ты и впрямь устал, если не реагируешь на вопросы. — Голос Тонгила звучал слишком заботливо, чтобы его слова оказались чем-то, кроме утонченной издевки. — Зайдешь ко мне вечером, а сейчас иди отдохни.

— Вечером? — Когда господин выказывал к кому-то интерес, это было чревато, но Риен все же надеялся, очень надеялся, что обойдется.

— Ты плохо слышишь? — Брови Тонгила вопросительно поднялись, и Риен отчаянно замотал головой.

ГЛАВА 5

Арон сидел в кресле в *своем* кабинете и смотрел на горящую свечу. В свече не было ничего необычного, если не считать ее неуместности среди яркого дня... а еще того, что зажег он ее при помощи магии. Так же, как и факел — мысленным приказом.

Потушить оказалось тоже легко: огонь исчез прежде, чем мысль обрела словесную форму.

Северянин глубоко вздохнул и, отодвинув огарок, тяжело оперся на стол. Но долго предаваться мрачным размышлениям ему не дали — снаружи прогремело, следом послышался рев, полный гнева и боли, какой не могло издать человеческое горло.

Арон подбежал к окну, распахнул, посмотрел вниз. Там, почти под самой башней, стояли трое вооруженных людей, а вокруг них вращался небольшой, примерно в два человеческих роста, смерч. Вот он приблизился к одному из воинов, и тот рубанул наискось. Если смерч обычный — бессмысленное действие. Если смерч магический, а оружие зачарованное...

Вихревая воронка резко выросла, изогнулась в воздухе и обрушилась на людей, поглотив их. Мгновение стояла полная тишина, затем в земле появилась трещина, похожая на жадный рот, с довольным хлюпаньем съела смерч с его пленниками и так же быстро исчезла.

Арон почти минуту смотрел на вновь зеленеющую ровно подстриженную траву, потом захлопнул окно. При взгляде на смерч его чувство опасности красноречиво промолчало, а вот на воинов...

Очередные убийцы? Наемники или мстители?

Если да, то уже четвертые за это лето — местный Арон Тонгил невероятно популярен! Это как надо постараться, чтобы обрести подобную известность?

В дверь постучали громко, но с вежливой монотонностью. Потом, после паузы, еще раз.

— Войдите! — раздраженно отозвался воин, выходя из кабинета. Сейчас ему никого не хотелось видеть.

На пороге стоял эльф... так, по крайней мере, показалось Арону. Но взгляд уже зацепился за детали внешности, выда-

вавшие нечистокровность ее обладателя. Незнакомец казался достаточно стройным, гибким и тонкокостным, чтобы издала сойти за эльфа, но лицо его было слишком жестко очерчено, глаза слишком черны и вытянуты к вискам, а в эррэ не ощущалось особой эльфийской магии, сопровождающей этот народ от рождения до смерти.

Арону потребовалось меньше доли секунды, чтобы понять: он может видеть эррэ. В прежней жизни воину пришлось немало общаться с бродячими подмастерьями магов, отправленными на вольные хлеба за прегрешения либо отсутствие таланта. И это общение позволило набраться кое-каких знаний.

Эррэ называли врожденный кокон Силы вокруг мага любой расы. Раньше Арон и не представлял, как можно видеть эррэ. Теперь это получилось само, без малейших усилий с его стороны.

Должно быть, от еще одного доказательства собственной магичности Арона перекосило, поскольку вошедший удивленно вздернул не по-эльфийски черные брови и любезно поинтересовался:

— Прежде эти покушения тебя только забавляли. Что-то случилось?

Арон задумчиво смерил незнакомца взглядом, полукровка его не боялся — это стало ясно сразу. Более того, вел он себя скорее как друг, в крайнем случае союзник, поскольку Арон сомневался в наличии у Темного мага настоящих друзей. Полукровка продолжал смотреть вопросительно, и воин неопределенно пожал плечами.

— Плохое настроение, только и всего.

— Так я и подумал! — Черноволосый захлопнул дверь, без приглашения устроился в кресле, потом махнул рукой Арону. — Присаживайся, а то стоишь, как неродной.

Воин ошеломленно посмотрел на наглеца. Поведение того никак не вязалось с почтительным страхом, к которому Арон уже начал привыкать, и он пока не мог решить, как реагировать. Как вообще в такой ситуации положено вести себя могущественному Темному магу, способному осчастливить половину империи, просто умерев? Абсурдность происходящего заставила Арона усмехнуться.

Чутье на опасность при появлении полуэльфа промолчало, словно незнакомцу действительно можно было доверять.

Ногой выдвинув стул, Арон сел напротив полукровка.

— Что интересного расскажешь?

— Как тебе младший ар-Корм? — отозвался тот вопросом на вопрос.

— В смысле? — Воин склонил голову набок, продолжая изучать необычную внешность черноволосого. Тот его пристального внимания словно не заметил.

— Не поверишь, но последние три месяца, стоило мне только вспомнить о его существовании, на разум тут же находила пелена. Если же я встречал Риена в замке, то отдавал первое пришедшее в голову указание и через пару секунд забывал о нем. Да и ты, отправив мальчишку в мое распоряжение, ни разу не потребовал его для личных услуг. — Полуэльф нахмурился, наклонился вперед. — У ар-Корма Темный Дар?

Арон не удержался и растерянно моргнул. Темный Дар — у этого перепуганного подростка? Хотя...

Однажды бывший ученик мага рассказал ему, что маги чувствуют только своих, Светлые узнают Светлых, а Темные — Темных. Якобы это ограничение в незапамятные времена установили боги, чтобы у молодых, с еще не проклюнувшимся Даром, был шанс выжить. Своих правила разрешали убивать только на дуэли, чужие считались законной добычей. Но сумеет ли Арон определить у младшего ар-Корма магические способности?

Впрочем, куда важнее решить, как вести себя с нахальным полуэльфом.

— Сегодня вечером проверю, — сказал Арон.

— Ну, если за целый день ты ничего не заметил, то мальчишка явно Светлый, — сделал вывод полукровка. — Жаль, если придется от него избавиться, — ссориться с ар-Кормами не время.

— Или мальчик может вообще не иметь Дара, — возразил воин, который вовсе не собирался убивать пажа для сохранения неожиданно и нежеланно доставшейся репутации грозного Темного мага.

— И это говоришь ты — само воплощение осторожности? — Полуэльф рассмеялся, но воин не смог выдавить даже кривой усмешки. — Арон, в чем дело? — Полукровка больше не улыбался, лицо помрачнело и оттого стало казаться более человеческим. — Ты на меня злишься? Мне начать опасаться

за свою жизнь? — Последний вопрос прозвучал словно в шутку, но шуткой не был.

Воин напрягся, но чувство опасности упорно молчало, и он расслабился.

— Нет. — Арон посмотрел на чужака, как мог бы взглянуть на Венда из прежней жизни. — Нет, не стоит.

ГЛАВА 6

Мэа-таэль, известный среди людей под именем Митрил, по самый подбородок погрузился в теплую ванну и глубоко вздохнул. Добавленные в воду ароматные травы не только снимали усталость, но и способствовали ровному течению мыслей, позволяли связать разрозненные нити размышлений в целостный узор. И вот теперь Мэа-таэль пытался понять, что происходит с единственным человеком, которого он мог бы назвать здесь своим другом.

Поведение Арона сегодня казалось странным, напряженным и нервным, смотрел он так, словно видел Мэа-таэля впервые, говорил жестко, как с чужаком. И магия — она заполняла все пространство комнаты, вызывая у полукровки ноющую боль в костях, а не пульсировала вокруг Арона обычным плотным коконом.

Могло ли такое поведение быть связано с мальчишкой ар-Кормом? Мэа-таэль плохо разбирался в теории взаимодействия магии противоположных полюсов. Интуиция же — слабый осколок Дара, доставшийся от матери, — таинственно молчала.

Самый интересный вопрос: представляло ли изменение в поведении мага опасность для жизни Мэа-таэля? Полуэльф считал человека, несколько раз его спасавшего, своим другом, но как относится к нему Арон, определить не мог.

Арон несколько мгновений с неприязнью смотрел на небольшую книгу в переплете из черной кожи. Потом, решившись, открыл.

«Стихия Воды в пятом пересечении сферы Альт-тарк», — гласил выведенный крупными рунами заголовок. На следую-

щей странице сообщалось: «Эмеаль Воды, в отличие от истинной элементали, не различает носителя по цвету Дара, потому условия ее вызова отличаются от стандартных. Для мага, достигшего уровня Кташ, скольжение во Тьме заменяется...»

Воин захлопнул книгу и мрачно уставился на еще пять подобных томов, невинно лежавших на краю стола. Он умел читать и классические руны, и северные, и даже разбирал завитушки Народа Песков, но это не помогало, когда понятные слова складывались в малопонятные фразы с использованием зубодробительных терминов.

Это его бледнокожий двойник из зеркала прошел многолетний путь от бесправного ученика до могущественного Темного мага. Арон же свою юность потратил на шлифовку умения убивать честной сталью. И вот теперь, чтобы выжить и найти Тери и сына, он должен был стать магом. Хотя от прежнего Тонгила Арону и достался Дар, навыков к нему не прилагалось.

Чувствуя раздражение, Арон собрал книги в охапку и вернулся к шкафу. Может, там все же есть нечто более понятное, нечто, способное ему помочь?

Без особой надежды воин пролистал еще несколько томов: «Тайная Аши-туун и эмеаль Огня», «Салия Тиарская в своем седьмом погружении учит...», «Уровень Ашун для работы с Нитями четвертого пересечения...».

Вот еще одна, только вместо красочно оформленного заголовка — пустая страница. Одна, вторая, третья... Арон растерянно моргнул, машинально провел ладонью по пергаменту. Тот отчего-то показался очень теплым, словно нагретым изнутри.

С какой стати прежнему Тонгилу держать на полке пустышку? Значит...

Желание увидеть, что написано на этих страницах, возросло. Арон ощутил, как невидимая волна потекла от него к книге и слилась с теплом страниц...

На открытой посередине книге вверху страницы проступили аккуратные завитушки северных рун и сложились в слова, выведенные его собственным почерком:

«День тигриной луны Ледена, год 11908-й.

Сегодня получилось открыть пятую сферу Альт-тарка. Пришлось помучиться, но пять дней полного поста того стоили —

теперь Вода подчиняется мне почти на уровне Огня. Открытие Тиарийца про слепоту эмеалей оказалось бесценным...»

Арон скользнул взглядом по странице, ища фразы, не относящиеся к магии. Они нашлись на два абзаца ниже.

«Мэа-таэль на несколько минут пришел в сознание и в этот раз узнал меня. Раны затягиваются хорошо, теперь ясно — выживет. Осталось решить, как поступить с полуэльфом дальше. Впрочем, если он остался столь же забавным, как и в дни нашей юности, о его спасении я не пожалею. Гончих, посланных отцом Мэа-таэля, я сбил со следа и утопил в Русских топях за три сотни миль от замка — на какое-то время этого будет достаточно.»

Если в замке не имелось других эльфийских полукровок, то черноволосый гость и был Мэа-таэлем. Дневник прежнего Тонгила — настоящее спасение...

Сумрак позднего лета подкрался незаметно, глаза приходилось напрягать. В конце концов это вызвало вспышку раздражения — и свет вернулся, ровный и яркий...

Робкий стук в дверь заставил Арона оторваться от книги. Да, ведь он приказал Риену прийти вечером. Исполнительный. Вот только воину, погрузившемуся в жизнь своего двойника, уже ни о чем не хотелось спрашивать пажа.

Арон вышел из кабинета и, поддавшись неожиданной идее, махнул рукой, мысленно приказав двери распахнуться. Та открылась. Стоявший на пороге юноша сделал движение, словно хотел поклониться, да так и застыл, уставившись куда-то за спину Арона.

Воин повернулся — в паре шагов позади на уровне его головы в воздухе висел шар. Словно сотканный из солнечных лучей, он ровным светом заливал всю комнату.

Риен потрясенно смотрел на сгусток чистого света, парящий в невозможной близости к самому страшному магу империи, и мог лишь шептать:

— Не может быть. Не может...

— Поделишься мыслями? — Голос Тонгила вырвал юношу из оцепенения, рука мага дернула его вперед. За спиной закрылась дверь.

— Ну же?

Риен замотал головой, не в силах ничего сказать. Тонгил криво усмехнулся и толкнул его в кресло.

— Соберись и объясни свое поведение.

— Вы же Темный маг! — Несообразность происходящего заставила Риена вскочить на ноги, но предупреждающий взгляд господина вернул юношу на место. — Темный маг, — повторил Риен чуть тише. — Истинный Свет должен испепелить вас. — На последних словах голос пажа упал почти до шепота.

Тонгил повернулся к ровно сиявшему шару и поманил к себе. Сгусток света послушно опустился на раскрытую ладонь.

— Ты уже видел таких малышей? — Господин, словно лаская котенка, поднес шар к самому лицу, позволив краю лучистого создания скользнуть по щеке. После такого прикосновения половина лица Темного должна была превратиться в зияющую язву, но ничего подобного не произошло, разве что неестественная бледность мага сменилась здоровым румянцем. — Видел? — повторил Тонгил.

— Да, однажды... давно... — Риен потрясенно смотрел на шар.

— Рассказывай, — велел господин.

— Мне тогда исполнилось семь, — ответил паж, но мысли его едва ли вполнину следовали за словами. — К отцу приехал Великий маг Аларик Неркас...

— Мой досточтимый предшественник? — уточнил Тонгил.

— Да, господин. — У Риена мелькнуло воспоминание о том, как Неркас перестал быть Великим магом, став магом мертвым, и прежний страх, на время вытесненный изумлением, вернулся.

— Не беспокойся. — Тонгил снисходительно махнул свободной рукой. — Я знаю, что твоя семья всегда служила Светлым. Меня интересуют подробности. Итак?

— Господин Неркас создал несколько шаров Истинного Света. Все время, пока он гостил у нас, они охраняли его — летели впереди, освещали путь, следили за тылом... Когда на охоте наемный убийца выпустил в мага отравленную стрелу, один шар спалил ее в воздухе, а другой подлетел к человеку и сжег его.

— Живого, естественно? — Тонгил склонил голову набок, внимательно разглядывая Риена. Тот, не выдержав, отвел глаза, уставившись себе под ноги.

— Да, господин.

— Забавно. Лови!

Юноша вскинул голову; сгусток света больше не сидел на ладони мага, а быстро плыл к Риену. Вот шар остановился в локте от его лица и повис, слегка покачиваясь.

— Не бойся, протяни руку. — Голос Тонгила зазвучал вкрадчиво, словно господин уговаривал испуганное животное. Сглотнув, паж поднял руку ладонью вверх, как это делал маг, и шар опустился на нее.

— Агхх! — издав нечленораздельный вопль, Риен отшвырнул шар от себя. Боль! Зародившись в руке, она охватила все тело. Резкая судорога скрутила юношу, он сполз на пол. Быть может, он снова кричал... Пока поток ледяной воды не вылил-ся ему на голову, вернув в реальность.

— Руку покажи! — рявкнул над ухом знакомый голос, и маг рывком ухватил запястье раненой руки юноши.

— И стоило так орать? — спросил Тонгил уже спокойным тоном. — Даже ожога не будет.

Не веря, Риен выпрямился и скосил взгляд на свою руку. Ладонь все еще болела, но пострадавшей не выглядела, только кожа казалась розовее обычного.

— Что это было? — Голос юноши сорвался. — Почему?!

Тонгил хмыкнул и поднялся на ноги.

— Всего лишь небольшой эксперимент, мальчик, ничего смертельного. Боль пройдет через пару часов.

Маг повернулся к окну, расплавленному брошенным шаром, оценивая ущерб, нанесенный цветной мозаике, но никак его не прокомментировал.

Все еще сидя на полу, Риен отбросил здоровой рукой липнущую ко лбу мокрую челку, поежился: вода попала за шиворот и леденила спину. Может, он теперь простынет? Будет лежать в своей комнатухе, кутаться, несмотря на лето, в теплые одеяла, пить теплый бульон, принесенный заботливыми служанками, а к тому времени, как выздоровеет, Тонгил о нем позабудет?

Мысль была наивной, и юноша с сожалением с ней расстался. Во-первых, сам Риен никогда ничем не болел. Во-вторых, господин пока и не думал отпускать его, да еще это упоминание об эксперименте...

Обычно жертвами опытов Тонгила являлись либо преступники, либо невезучие, в чем-то провинившиеся слуги. С какой стати Темный изменил своим привычкам? Или это Риен не вовремя попался магу под руку? Например, когда тот изучал воздействие нового заклинания? Уж лучше надеяться на это, чем думать, будто его списали на отправку в подземелья. Умирать, да еще таким жутким образом, юноша не хотел.

Тонгил между тем окинул его внимательным взглядом и покачал головой.

— Иди-ка к себе, парень. Сегодня ты уже ни на что не годишься.

Эта короткая фраза моментально вернула Риену силы, заставила даже забыть о боли. Он торопливо вскочил на ноги, поклонился и чуть ли не бегом направился к двери. Уже выходя, на мгновение встретился с господином взглядом — тот вновь смотрел на него со странным выражением, которое Риен никак не мог понять.

ГЛАВА 7

Арон устало вздохнул и опустился в кресло. Скользнул взглядом по двум масляным светильникам, приказывая им зажаться. Каждый час новой жизни подкидывал сюрпризы, словно сама судьба посмеивалась над его попытками осознать происходящее. Раз здесь он Темный маг, как же сумел создать шар Истинного Света и коснуться его, не испытав боли? Младший ар-Корм прав — это невозможно. Хотя что из случившегося с ним возможно?

Арон попытался вспомнить, как именно вызвал сгусток солнечного света, но в голове было пусто.

В соседних покоях ждали записки двойника, но возвращаться к ним, вновь погружаться в жизнь, наполненную Темной магией, не хотелось. Арон находился здесь всего один день, а казалось, будто прошел год. На душе после встречи с Вендом было мерзко. Да еще этот мальчишка ар-Корм, смотревший на него с тревожным ожиданием, периодически перераставшим в откровенный ужас...

Может, забыть обо всем до утра? Все же ночь предназначена для сна, а не для чтения дневников Темных магов.

Стоило лечь, как мысли начали путаться, перед внутренним взором замелькали невнятные образы. И пришел сон.

...Арона окружали деревья, кроны которых осень окрасила в любимые магом цвета: желтый, рыжий, багряный. Кое-где попадались и коричневые листья — словно крупные капли засохшей крови. Опавшие листья, почти живые, с мягкой пло-

тью, легшие бескрайним ковром под копыта коней. И воздух — прозрачный, еще по-летнему теплый и сладкий, но уже с намеком на скорое умирание мира, на белый саван зимы.

За спиной почудилось движение. Арон лениво оглянулся, уже зная, кого увидит. На вороном жеребце — близнеце его собственного — по петлявшей между стволов тропинке приближался Мэль.

— Налюбовался листиками? — спросил полуэльф насмешливо. То ли в душе полукровка действительно не находилось места красоте, то ли неприятие отцовского эльфийского наследия заставляло притворяться даже перед собой. Арон поставил бы на второе, но выяснять не собирался.

— Налюбовался, — покладисто согласился маг, потом его мысль вернулась к тому, для чего они и приехали в лес. Арон посмотрел на Мэля, отмечая привычный яростный блеск в его черных глазах — предчувствие любимого развлечения.

— Славно поохотимся, — выдохнул полукровка.

Стая ждала на поляне — несколько человек уже спешилось, кто-то из воинов присел перед пленником, пытаясь разговаривать. Тот упрямо отмалчивался, продолжая сохранять высокомерное выражение лица. Арон скривил губы в подобие улыбки — в подземельях пленник казался разговорчивей.

— Ну как, не передумал? — спросил он больше для вида.

— Нет! Ты будешь проклят, убийца! Все, чего ты достиг, станет прахом! Все отвернется от тебя!

Сколько бессильной ненависти жило в глазах Светлого мага, верного подмастерья Аларика Неркаса! Какой гнев кипел в нем, какая ярость на несправедливость судьбы! Арон с сожалением подумал, что так и не научился впитывать силу чужих эмоций. Читать — да, но с поглощением не получалось.

— Развяжите его, — кивнул Арон стражам.

Можно было это сделать и магией, но по привычке, намертво вдолбленной учителем, Арон не любил попусту расходовать энергию, предпочитая всегда держать резерв полным. Слишком уж много неожиданностей любит подкидывать жизнь.

Таким же сюрпризом, но уже для Аларика Неркаса, стал сам Арон Тонгил, когда Светлый, потратившийся на магическую защиту замка верного вассала, расслаблялся в компании одной милой девушки. Темный маг долго подбирал подходящую красотку, и роль свою она сыграла отлично...

Нет, не стоит попусту расходовать магию, чтобы однажды не оказаться на месте бедняги Неркаса.

Светлый поднялся на ноги, оглядел поляну, задержав взгляд на Мэа-таэле — о присутствии полуэльфа в свите Тонгила ходили слухи по всей империи. Вероятно, даже у приговоренных к смерти бывают проблески любопытства.

— Мы дадим тебе фору, — благожелательно сказал Арон. — На западе, за милю отсюда, течет рукав Вьесты. Сумеешь перебраться на другой берег — будешь свободен. А нет — не обессудь, станешь обедом для моих песиков.

Светлый маг гордо вскинул голову, собираясь выдать нечто благородно-глупое, но в этот миг воин, прежде пытавшийся разговорить пленника, негромко зарычал. Если не видеть, можно было поклясться — звук принадлежит дикому зверю. Светлый запнулся на первом же слове и отшатнулся. Стражи громко расхохотались, несколько оборотней издевательски залаляли, но непривычный для их горла звук быстро перешел в вой.

— Нравятся мои песики? — широко улыбаясь, спросил Арон.

Ненависть Светлого сменилась откровенным ужасом, он попятился.

— Ну что же ты, храбрец? — Вперед выехал Мэль, излучая хищное веселье, наклонился с коня. — У тебя больше не осталось проклятий?

Светлый уставился на него, как на безумца, сделал назад шаг, другой, развернулся и кинулся прочь. Стоявшие на дороге стражи отступили в сторону.

— Как думаешь, не заблудится? — заботливо спросил полукровка.

Арон покачал головой.

— Я частично снял блокировку с его эррэ — на чувство направления, на исцеление и на выносливость.

Вместе они наблюдали, как Светлый зацепился ногой за невидимый под листвой корень. Упал, вскочил и побежал дальше, прихрамывая. Иногда пленник оборачивался, и даже на расстоянии был заметен ужас, искаживший его лицо.

— Будет забавно! — Мэль заулыбался в предвкушении. Арону подумалось, что таким счастливым полукровка он давно уже не видел. Стоит устраивать подобные охоты чаще.

— Можно, господин? — Глаза десятника горели желтоватым огнем, выдавая звериную суть, пока что запертую в тесной человеческой оболочке.

— Мэль! — Арон обернулся к другу. — Твоя охота.

Полуэльф улыбнулся, обнажив более острые, чем положено человеку, клыки.

— Думаю, пора.

Тотчас аура нестерпимо чуждого и вместе с тем давно знакомого изменения накрыла поляну, заставив эррэ самого Арона инстинктивно оградить человеческую суть хозяина щитом внутренней реальности. А вокруг люди превращались в волков, их тела ломало в судорогах боли и экстаза.

Несмотря на наложенные слои заклинаний, кони жалобно заржали и попятились. Арон привычно махнул рукой, набрасывая на пугливую скотину сеть подчинения; ржание стихло, глаза лошадей остекленели. А волки вытянутой цепочкой уже бежали вглубь леса, по четкому следу Светлого мага.

— Наперегонки? — не дожидаясь ответа, Мэль гикнул и сорвался с места. Арон, заразившись мальчишеским азартом друга, припустил следом.

Светлый почти успел — до берега Вьесты человеку оставалось едва ли сто шагов, когда первый волк прыгнул ему на загривок, повалил на землю и тут же сам покатился по траве, жалобно визжа и пачкая ее кровью. Светлый попятился, сжимая в правой руке неизвестно откуда взявшийся клинок. Должно быть, подумалось Арону, сумел вытащить у одного из стражников перед началом охоты. Лицо подмастерья выражало отчаяние и решимость дорого продать свою жизнь.

Мэль, обогнавший Арона, слетел с коня, выхватывая из ножен широкий охотничий кинжал, и пружинистой походкой двинулся к жертве.

— Потанцуем? — Хищная ухмылка полуэльфа сделала бы честь любому волку. Арон, остановивший коня в некотором отдалении, покачал головой: риск ради риска маг понимать отказывался. Но Мэля, будь он в ярости или веселом азарте, собственная жизнь, казалось, не волновала. Полукровка словно жил одним днем, и день этот старался сделать как можно ярче и насыщеннее.

Схватка действительно походила на танец: кружение, обмен быстрыми ударами, изящно-ровный разрез на одежде

подмастерья и растекшееся кровавое пятно. Шаг назад, шаг вперед, быстрый наклон — не дать острию вспороть вену, отступ и вновь атака. Светлый с клинком был неплох, совсем неплох, что нечасто случается среди магов. Но для Мэля охотничьи ножи матери были первыми детскими игрушками.

Может, полукровка играл, а может, дрался всерьез, но вот одно точное движение перерезало Светлому сухожилия на правой руке, и тут же кинжал полуэльфа вошел пленнику в бок. Глухо вскрикнув, человек выронил оружие, здоровая рука инстинктивно метнулась к ране.

Мэль сделал шаг назад, а оборотни, до того сидевшие полукругом и терпеливо ждавшие, пока господу натешатся, бросились к поверженному. Светлый закричал — громко, отчаянно. Потом его голос оборвался на самой высокой ноте...

Волки рвали на куски еще живое тело, раздирая не только плоть, но — как умели делать только оборотни — и пульсирующий покров магии. Арону не требовалось подходить ближе для участия в пиршестве: его собственное эррэ жадно ловило энергию пожираемого мага, меняя ее полярность, делая частью себя. И все это время довольная улыбка не покидала его лица — ведь что может быть лучше, чем смертью врага увеличить свою Силу?

Когда Арон проснулся, в комнате еще царил сиреневый сумрак. Вскоре чуть посветлело, тишина за окном разбилась первой птичьей трелью, и скоро уже многоголосый пернатый хор славил рассвет.

Воин лежал, глядя на полотно балдахина, думая о сне, пришедшем этой ночью. Был этот сон воспоминанием прежнего Тонгила или плодом его собственного воображения?

ГЛАВА 8

Еще только занимался рассвет, когда из комнаты, отведенной слугам тара Аримира, выскользнул черноволосый юноша. Бесшумно закрыл за собой дверь, огляделся по сторонам и свернул в один из переходов, ведущих из восточного крыла к основному зданию замка.

Несколько раз впереди слышались шаги, но парню удавалось спрятаться то в тенистой нише, то в одном из перекрещивающихся проходов, и стражники с руной «Яруш» на плече, знаком Тонгила, проходили мимо.

После третьей такой встречи юноша, известный людям в караване под именем Ресана Эвнике, начал хмуриться — вооруженных людей в восточном крыле было слишком много. Похоже, караван, в составе которого он приехал, находился под негласным арестом.

Вскоре юноша вышел на открытую галерею, соединявшую восточное крыло с центральной частью замка. Вид отсюда открывался изумительный, и Ресан все замедлял и замедлял шаг, пока не оказался стоящим у высоких перил. А на востоке восходило солнце.

Ладонь юноши поднялась в привычном жесте, очерчивая священный круг, потом коснулась груди против сердца, а губы прошептали короткую молитву — благодарение дневному светилу.

— Эй, ты! — послышался за спиной усталый женский голос. Юноша вздрогнул от неожиданности, развернулся. На него недовольно смотрела пожилая горничная, прижимавшая к боку корзину грязного белья.

— Хватит бездельничать! — Чувствовалось, что чужая лень оскорбляет горничную до глубины души. — Отнеси-ка это прачкам! И поживей!

Каким-то чудом корзина перекочевала к растерявшемуся Ресану, а горничная уже шла назад, бормоча про неприбранные покои и некоего Митрила, сующего нос куда не надо.

Тяжесть корзины заставила парня качнуться вперед и изумленно подумать: как могут женщины таскать эдакое каждый день? Впрочем, не важно. Одежда на Ресане небогатая, как и положено прислуге, а корзина послужит пропуском, если встретятся стражники. Не могут ведь они знать в лицо всех слуг.

Единственный вопрос: куда ему следует доставить неожиданно полученный груз?

В центральной части замка стражников оказалось меньше, но один на долю Ресана все же достался. Высокий, седоусый, напомнивший сотника, служившего у отца. Решившись, юно-

ша спросил у него дорогу, получил подробное объяснение и отправился дальше по коридору.

А стражник, провожая взглядом незнакомого юнца, раздумывал о том, что за последнее время в замке появилось слишком уж много пажей, дворянских отпрысков. Тонгил набирал заложников, обеспечивая тем самым лояльность и благоразумие соседей — обычная тактика владетельного вельможи. Это стражник прекрасно понимал, но не мог он понять другого: как хватало духу у благородных таров отправлять родных и несомненно любимых детей к Темному магу?

Ресан спиной чувствовал пристальный взгляд стражника, но заставлял себя сдерживать шаг и, лишь завернув за угол, облегченно вздохнул.

Дотащив корзину в прачечную и поставив ее в ряд таких же, юноша счел за благо исчезнуть. Получать от здешних слуг задания ему не улыбалось. Он личный чтец благородного Аримира, а не носильщик тяжестей.

А еще полчаса спустя Ресан был вынужден признать свое поражение в борьбе с лабиринтом бесконечных замковых переходов. Вместо того чтобы четко указать направление, стрелка на внутренней стороне его браслета, подаренного дедом, задумчиво вращалась противусолонь. Ресану следовало бы раньше сообразить — Тонгил не позволит чужой магии действовать в стенах своего замка. Хоть бы амулет старого шамана здесь вообще не испортился.

Получалось, найти искомое юноша мог либо методом тыка, на что особой надежды не было, либо задавая наводящие вопросы страже и слугам — еще менее приятный вариант.

«А зачем, — спросят они, — тебе, молодой человек, знать о местоположении покоев? Да и не видели мы тебя раньше. Прогуляемся-ка мы с тобой на всякий случай к господину Тонгилу...»

Ресан встряхнулся и принялся обдумывать наименее подозрительный способ вызнать у местных обитателей нужные сведения. Шаг юноши замедлился, и как раз в этот момент дверь, возле которой он проходил, резко открылась. От сильного удара парня отнесло назад и приложило об стену. От боли юноша зло зашипел.

— Любопытно, — раздался над головой холодный голос. — Кто это тут гуляет?

Ресан посмотрел на говорящего и от изумления забыл, что надо дышать. Эльф! Настоящий эльф в логове чернокнижника! Или не эльф? Интересно, бывают настолько черноволосяе эльфы, да еще с таким необычным разрезом глаз? Или... полукровка?

Незнакомец не дал юноше времени собраться с мыслями.

— Закрой рот! — велел он резко, заставив покрасневшего Ресана подобрать отвисшую челюсть. — Кто ты? Как здесь оказался? — Полукровка явно торопился и был недоволен задержкой.

— Я Ресан, личный чтец благородного Аримира из киретского каравана, тар, — с готовностью выдал давно вызубренную фразу юноша. — И я, — он покаянно вздохнул, — заблудился.

Полукровка качнул головой.

— Интересно, кто выпустил тебя из восточного крыла, мальчик? — произнес он с оттенком угрозы. — Мне стоит побеседовать с благородным Аримиром о слишком вольном поведении его слуг.

Полуэльф окинул быстрым взглядом коридор, словно выискивая кого-то. Уж не стражника ли, проводить незваного гостя?

— Вы только скажите, где восточное крыло, и я уйду, — умоляюще проговорил юноша. — Я не знал, что приходиться сюда запрещено. Тар, пожалуйста!

Полуэльф нахмурился, внимательно рассматривая Ресана, словно бы размышляя, где уже мог видеть его.

— Тар! — повторил юноша, мысленно прося всех богов, чтобы полукровка ничего не вспомнил и не позвал стражу.

— Свернешь в третьем проходе направо, потом прямо до галереи, — сказал наконец полуэльф и махнул рукой в нужном направлении.

— Благодарю вас, тар! — Юноша поклонился и торопливо зашагал, куда было сказано.

Галерея, ведущая в восточное крыло, оказалась пуста, но в тенистом коридоре Ресана уже ждали.

— Куда ты ходил? — негромко поинтересовался лекарь тара Аримира, Сэймин.

Парень передернул плечами.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая	5
Часть вторая	137
<i>Эпilog</i>	344